

**Дискуссионная заметка к статье М. А. Ключевой
«Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг.
Ч. 2. Особенности консонантизма»¹**

В помещенной в настоящем выпуске журнала статье М. А. Ключевой «Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма» разобраны основные отличия графики [УСОЧ 1870; Букварь 1873] от литературного марийского языка, плюс приведены диалектные параллели, в первую очередь, по словарю [Веке]. Далее к каждому рассматриваемому слову, по возможности, даны праформы по [Beregczki 2013] или указания на источник заимствования, или возможные параллели внутри финно-угорских языков, выявленные уже самим автором. В настоящей заметке не ставим цели детального разбора этимологических гипотез, с которыми не всегда можно согласиться, но, опираясь только на материал, собранный М. А. Ключевой и приведенный в статье, безусловно, весьма ценный, показать, что его можно проинтерпретировать иначе, чем это было сделано в статье.

Собственно, то, с чем мы планируем полемизировать, — это два основных вывода, сделанных в заключении работы:

- 1) «компилятивный характер текстовой основы» Букваря (1870), связанный с тем, что по мнению автора статьи «главный создатель букварей — Гавриил Яковлев — не являлся носителем конкретного говора и хорошим (на практике) знатоком лугового наречия марийского языка (во всяком случае, на момент работы над первым букварем)»; «коллективное редактирование носителями разных говоров, причем, скорее всего, даже с целенаправленным стремлением достигнуть некоторого универсального литературного языка, понятного носителям разных диалектов лугового наречия»;
- 2) с тем, что в Букваре (1873) можно выделить «особенности конкретного диалекта — шиньшинско-шоруньжинского, в ареале которого и создавался букварь 1873 года (это крайний юго-восточный подговор моркинско-сернурского говора лугового наречия). В частности, это озвончение *к* и *п* перед *и*; произношение *б* вместо *в*. Содержатся в этом букваре и специфические черты фонетики консонантизма соседнего малмыжского говора восточного наречия».

Обратимся к разбору материала, на основании которого сделан первый вывод о «компилятивном характере текстовой основы» Букваря (1870), связанным «с целенаправленным стремлением достигнуть некоторого универсального литературного языка, понятного носителям разных диалектов лугового наречия». Он сразу вызвал сомнения, поскольку, как известно, основой методики Н. И. Ильминского, в рамках которой работали все создатели первых кириллических книг, изданных Переводческой комиссией, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, в 1869 году, было соответствие разговорной речи носителей конкретного диалекта. В настоящее время в рамках работы по гранту РГНФ № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» было описано уже более двадцати первых кириллических книг на удмуртском, саамском, мансийском, селькупском, башкирском, татарском, казахском, чувашском языках, ср. [Бакула 2016; Безенова 2016а, б; Дыбо, Норманская 2016; Норманская 2015; Норманская, Каримова, Экба 2017; Норманская, Кошелюк 2017, Нуриева 2015, 2017; Савельев 2016]. В большинстве книг мы как раз и нашли системную подачу речи носителя одного из диалектов, но в ряде словарей можно было выявить два пласта лексики, которую по графическим и морфологическим особенностям можно было отнести к двум разным диалектам.

Поэтому вывод М. А. Ключевой о «компилятивном характере текстовой основы» Букваря (1870) представляется нуждающимся в доказательствах ввиду его важности, поскольку если он подтвердится, то это будет первая текстовая книга (не словарь!), в правке которой участвовали носители разных диалектов.

Обратимся к подробному анализу текста на предмет выявления доказательств вывода М. А. Ключевой. Представляется, что эти доказательства должны удовлетворять следующему условию: должно быть не менее шести примеров какого-либо явления, при этом не менее трех примеров должны бы были свидетельствовать о системе одного диалекта, а не менее трех других примеров о системе другого диалекта,

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках».

поскольку если речь идет об одном случайном отклонении, то оно не может быть свидетельством «компилятивного характера текста».

Но на материале, приведенном в статье М. А. Ключевой, примеров, удовлетворяющих этому условию, для [УСОЧ 1870] нам выявить не удалось (полного глоссирования Букварей мы не проводили, возможно, что М. А. Ключева привела в статье не все примеры, на которых она основывалась, делая вывод, но в таком случае, следует их дать привести более исчерпывающим списком).

Напротив, на материале [Букварь 1873] есть определенное количество примеров, удовлетворяющих этому критерию, например:

колебания л' vs. л:

— *пыльпомаш* 'небо' [Букварь 1873: 26], НО *пылпомошто* [Букварь 1873: 42];

— *тульза* 'месяц' [Букварь 1873: 14], НО *тулзä* [Букварь 1873: 27]

— *нальмо* 'взятое' [Букварь 1873: 8], НО *налметам* 'взятое-POSS.2SG-ACC' [Букварь 1873: 26]

колебания р' vs. р:

— *вюрь* 'кровь' [Букварь 1873: 39, 48], НО *вюржам* 'кровь-POSS.3SG-ACC' [Букварь 1873: 15];

— *мөрь* 'ягода' [Букварь 1873: 16], *мөрян* 'ягодный, с ягодами' [Букварь 1873: 16], НО *мөрым* 'ягода-ACC' [Букварь 1873: 16];

— *верь* 'место' [Букварь 1873: 19], НО *верэм* 'место-ACC' [Букварь 1873: 7];

колебания нж vs. нч:

— *онжаш* 'смотреть' [Букварь 1873: 5], *онжа* 'смотри' [Букварь 1873: 8], НО *ончыкташ* 'показать' [Букварь 1873: 15], *ончэн* 'смотреть-СВВ' [Букварь 1873: 27]

— *онжека* 'вперед' [Букварь 1873: 7], НО *ончална* [Букварь 1873: 9, 15, 16, 20, 24], *ончеклан* 'наперед (на будущее)' [Букварь 1873: 10],

Есть и колебания написания отдельных слов, важных, с точки зрения М. А. Ключевой, для определения диалектных особенностей: «Неожиданно также вместо литер. *мелна* 'блины' — *мелла* в букваре 1873 г., которое не фиксируется в луговом наречии, а лишь в малмыжском диалекте и далее на восток в говорах восточного наречия (включая вариант *мелла*)». Но реально в [Букварь 1873] представлено еще одно написание этого слова, ср. *мемнам* [Букварь 1873: 4], которое М. А. Ключева считает частично опечаткой («В этом слове, вероятно, опечатка *мемнам* вместо *мелнам*»).

Представляется, что данные, приведенные в самой статье, несколько противоречат выводам о «компилятивности» Букваря (1870). Если текст какого-то из букварей и можно было бы считать «компилятивным», то очевидно, что только [Букварь 1873], для которого автор статьи указывает конкретный диалектный источник («шиньшинско-шоруньжинский» говор), а не первое издание [УСОЧ 1870], в котором примеров различной рефлексии практически нет.

Но нам представляется, что и в случае графических колебаний в [Букварь 1873] речь идет не о «компилятивном характере», а о колебаниях, которые присутствуют и в современных марийских говорах даже в произношении одного носителя, подробнее см. ниже.

Перейдем к разбору доказательств второго вывода статьи об атрибуции [Букварь 1873] одновременно с шиньшинско-шоруньжинским говором моркинско-сернурского диалекта лугового наречия и обнаружении в нем одновременно черт малмыжского говора восточного наречия. То есть, фактически автор статьи указывает, что в [Букварь 1873] есть надежные признаки разных весьма далеких генетически групп говоров². Итак, М. А. Ключева установила, что в [Букварь 1873] есть, с одной стороны, у части слов признаки лугового наречия, в других — восточного. При этом для каждой группы признаков ей удалось даже установить конкретный современный говор, в котором представлены эти особенности.

Проанализируем, насколько эти гипотезы подтверждаются материалом, приведенным в статье. Как было указано выше, действительно в [Букварь 1873] есть ряд колебаний в графике отдельных слов. Возможно ли их соотнести с разными диалектными пластами? Оказывается, что нет, поскольку, как видно из материала статьи, в этих словах в восточных и луговых диалектах по словарю [Beke] и по полевым материалам автора, присутствуют как твердые, так и мягкие рефлексии сонанта:

² Согласно общепринятой классификации, ср., например, [Bereczki 1994], марийский язык разделяется на четыре группы наречий: луговое, восточное, северо-западное и горное. В ряде работ обсуждается вопрос о сближении в одну группу лугового, восточного и северо-западного наречий. Но здесь мы не будем останавливаться на разборе подробных аргументов в пользу того или иного решения. Для наших целей достаточно отметить, что малмыжский диалект восточного наречия и шиньшинско-шоруньжинский говор моркинско-сернурского диалекта лугового наречия генетически весьма далеки друг от друга и существенно отличаются.

колебания л' vs. л:

— *пыльпомаш* 'небо' [Букварь 1873: 26], НО *пыльпомошто* [Букварь 1873: 42], как в луговых, так и в восточных диалектах в этом слове, как указано в статье, видимо, на основании полевых материалов автора, поскольку ссылка на источник не приведена, представлена мягкая рефлексация л': вост. МК *pil'*, луг. В ВК *pil'*, но при этом в [Bereczki 1992] даны рефлексии с твердой рефлексацией вост. М *pil*, луг. *pyl*.

— *тульза* 'месяц' [Букварь 1873: 14], НО *тулзä* [Букварь 1873: 27], в этом слове как в луговых, так и в восточных диалектах есть примеры как мягкой, так и твердой рефлексации: диал. вост. МК *ti-lâžä*, но ММ *tâlže*; луг. В *til/tše*, ВИ *tl/dže*, но В ВК *tâl/dže*.

В вопросе рефлексации **нж vs. нч** как в восточных, так и в луговых говорах присутствует разнотипная рефлексация:

— *онжааш* 'смотреть' [Букварь 1873: 5], *онжа* 'смотри' [Букварь 1873: 8], НО *ончыкташ* 'показать' [Букварь 1873: 15], *ончэн* 'смотреть-СВ' [Букварь 1873: 27], ср. вост. диал. МК, луг. ВК В *oń/dže-m*, но вост. диал. М *an/dže-m*, луг. ЙТ *o-ń/DZem* [Веке IV₅: 1676]

Итак, можно видеть, что и современные материалы дают разнотипную по палатальности сонантов и твердости vs. мягкости аффрикат в этих словах, наша полевая работа с носительницей калтасинского (восточного) диалекта А. Т. Сиивонен (Сельдюковой) также показала, что рефлексация **нж vs. нч** колеблется в произношении разных слов даже у одного носителя. Поэтому эти явления не являются диагностическим для определения разнотипных пластов в [Букварь 1873].

Что же считает диагностическим для определения разных диалектных слоев (восточного и лугового) в [Букварь 1873] М. А. Ключева? В материалах статьи мы нашли только одно такое явление «литер. *мелна* 'блины' — *мелла* в букваре 1873 г., которое не фиксируется в луговом наречии, а лишь в малмыжском диалекте и далее на восток в говорах восточного наречия (включая вариант *мелла*)», но, как было показано выше, реально в [Букварь 1873] представлены два разных написания этого слова. Все остальные явления, которые отличают [Букварь 1873] от литературного марийского языка, присутствуют как в восточных, так и в луговых наречиях. Таким образом, нам представляется, что вывод о малмыжском диалектном пласте в [Букварь 1873] не подтверждается материалом самой статьи.

Рассмотрим, есть ли в материалах статьи доказательства четкой атрибуции [Букварь 1873] с шиньшинско-шоруньжинским говором? Оказывается, что тоже нет, поскольку этот говор упоминается в статье до выводов только один раз, при этом форма, приведенная из него в качестве параллели к лексеме [Букварь 1873], отличается от нее:

«— *шугш* 'червь, черви' [Букварь 1873: 28], *шугш-шамычам* 'червь-PL-ACC' [Букварь 1873: 28] ~ литер. и мар. Г *шукш* < ПМар *suks [Bereczki 2013: 254], ср. в говорах Татарстана и Удмуртии: елабужское, мамадышское, кукм. *шугыш* и *шугуш*, кукм. *сугус*, мамадышское *шыгыш* [Вершинин 2011: 744], шиньшинское *шугыш* [НРФ МарНИИ, МФЭ-74 № 76, Тетрадь 2 (без нумерации страниц, последняя страница)].»

Получается, что на материале разбора примеров статьи выводы ее автора доказать невозможно. Но позволяет ли этот материал сделать какие-то интересные выводы о диалектной принадлежности первых марийских букварей? Конечно, для полного анализа необходимо проведение полного глоссирования материала. Но, оказывается, что и на материале статьи есть такие примеры:

- 1) как на единообразную рефлексацию в обоих букварях, но отличающуюся от литературной марийской,
- 2) так и на рефлексацию согласных и грамматических показателей, которая различается в [УСОЧ 1870] и [Букварь 1873] и, как показывают данные современных диалектов по [Bereczki 1994], именно она различается в разных луговых диалектах.

Вот примеры из статьи М. А. Ключевой архаизмов и диалектных инноваций в Букварях:

- 1) Особенность, характерная для обоих букварей: **ноль звука на месте ауслатного литер. -й, мар. Г. ноль звука (< ПМар. *j-)**. По [Грузов 1965: 208] это свойственно большинству марийских говоров за исключением **уфимского, кильмезского, малмыжского, северо-западных диалектов.**

— *ни* 'лыко' [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8] ~ литер. *ний*, мар. Г *ни*, истор. *ни* (1775), *ни* (1785), диал. ЦЯ ЦЮ ЙТ *ni*, УП ВК В ЯО ЯП Т Г *ni*, но Кр Б М МК *nij* < ПМар *nij [Bereczki 2013: 161];

— *и* 'год' [Букварь 1873: 11, 17-19] ~ литер. *ий*, мар. Г *и*, истор. *и* (1775), *ие* (1785), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *i*, но Кр Б М *ij* < ПМар *ij [Bereczki 2013: 21];

— *кю* 'камень' [Букварь 1873: 44] ~ литер. *күй*, мар. Г *кү*, истор. *кю* (1775, 1785), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *kü*, но Кр Б М *kij* < ПМар *kij [Bereczki 2013: 98];

— *ли* 'будь' [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4] ~ литер. *лий*, мар. Г *ли*, *ок-ли* 'нельзя' [УСОЧ 1870: 8] [Букварь 1873: 10] ~ литер. *ок лий*, мар. Г *ак ли*, *лина* 'будем' [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4] ~ литер. *лийына*, мар. Г *лина*, *ит-ли* 'не будь' [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *ит лий*, мар. Г *ит ли*, *лиже* 'пусть будет' [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *лийже*, мар. Г *лижби*, *инэит-ли* 'пусть не будут' [УСОЧ 1870: 12] ~ литер.

ынышит лий, мар. Г *б̄нж̄б̄ишт̄б̄и л̄иэп* < литер. *лияш* ‘быть’, мар. Г *лиаш*, диал. У ЦЮ ВК В ЙТ *liam*, ЯО Т Г *liät*, но Кр Б *lijat*, М *lijät* < ПМар *liam [Bereczki 2013: 114];

— *мю* ‘мед’ [УСОЧ 1870: 3] [Букварь 1873: 3] ~ литер. *м̄й̄й̄*, мар. Г *м̄й̄*, *м̄юм* ‘мед-АСС’ [УСОЧ 1870: 4] ~ литер. *м̄й̄й̄ым*, но разг. *м̄йм̄*, мар. Г *м̄йм̄* ~ диал. У ВК ЦЮ В Я Й Т Г *т̄й̄*, Кр Б М *т̄ий̄* < ПМар **т̄ий̄* [Bereczki 2013: 154];

— *й̄м* ‘масло-АСС’ [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4, 39] ~ литер. *й̄й̄ым*, но разг. *й̄м*, мар. Г *й̄м* < литер. *й̄й̄* ‘масло-НОМ’, мар. Г *й̄*, диал. У ЦЯ ЙТ Г *й̄*, но Кр Б БЯп М ММ МК *й̄й̄* < ПМар **й̄й̄* [Bereczki 2013: 303];

— *шюм* ‘шея-АСС’ [УСОЧ 1870: 4] ~ литер. *ш̄й̄й̄ым*, мар. Г *ш̄йм̄* < литер. *ш̄й̄й̄* ‘шея-НОМ’ ~ мар. Г *ш̄й̄*, истор. *шю* (1775), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *ш̄й̄*, но Кр Б М МК *ш̄й̄й̄* < ПМар **ш̄й̄й̄* [Bereczki 2013: 263];

— *ви* ‘сила’ [Букварь 1873: 37], *вим* ‘сила-АСС’ [Букварь 1873: 26, 37, 44, 47, 51], *вижам* ‘сила-POSS.3SG-АСС’ [Букварь 1873: 41] ~ литер. *вий̄*, мар. Г *ви*, истор. *ви* (1775), *ви* (1785), диал. Кр Б М *wij*, У ЦЮ ВК В Я Й Т *wī* < ПМар *wij [Bereczki 2013: 312].

2) В букварях представлено несколько черт, которые могли бы свидетельствовать об их принадлежности к разным диалектам:

а) **-нз-** (1870) ~ **-нч-** (1873) ~ литер., луг. большинство говоров **-нч-** ~ мар. Г, СЗ, луг. йошкар-ол. **-нз-**, мар. В *н̄з̄* (< ПМар. **н̄з̄*)

— *тинза* ‘глаза’ [УСОЧ 1870: 8], но *шинча* [Букварь 1873: 9] ~ литер. *шинча*, мар. Г *с̄б̄нз̄ä*, истор. *шиндза* (1775), *шинза* (1785), диал. Кр Б У ЦЮ *ш̄н̄з̄ä*, М *ш̄н̄з̄ä*, ВК В *ш̄әнз̄ä*, ЙТ *ш̄әнз̄ä*, ЯП ЯО Т ГШ *ш̄әнз̄ä*, Г *ш̄әнз̄ä* < ПМар **ш̄н̄-з̄ä* **ш̄н̄-н̄з̄ä* [Bereczki 2013: 234];

— *шиза* ‘знает’ [УСОЧ 1870: 8], но *шинча* [Букварь 1873: 10], *шинчен* ‘узнав’ [Букварь 1873: 25], *шинчиша* ‘знающий’ [Букварь 1873: 25], *шинчэм* ‘знаю’ [Букварь 1873: 46], *шинчиде* ‘не зная’ [Букварь 1873: 44], *шинчидэмо* ‘незнаемое’ [Букварь 1873: 25] ~ литер. *шинчаиш*, мар. Г *с̄б̄нз̄äиш*, диал. Кр Б М У ЦЮ *ш̄н̄/dž̄e-m*, ВК В *ш̄ән/dž̄e-m*, ЙТ *ш̄ä-n̄Dž̄em*, ЯО ГШ *ш̄ä-n̄dz̄em*, Т *ш̄ä-n̄Dž̄em*, ГА ГЕ *ш̄ä-n̄dz̄em* [Веке IV₂: 2392] < ПМар см. выше (корень слова *шинчаиш* ‘знать’ ~ *шинча* ‘глаз’).

б) **ð-** (1870) ~ **й̄-//ð-** (1873) ~ литер., СЗ, луг., вост. большинство говоров, мар. Г **й̄-** ~ мар. вост. свердлов., мишкин., малмыж., луг.: йошкар-ол., моркин., пектубаев., пижанск. **ð-** [Грузов 1965: 208] (< тюрк. **ǰ-**) (в начале слова) (все случаи — в тюркизмах и словах с неясной этимологией):

— *дэн* ‘человек’ [УСОЧ 1870: 4 и далее], но *й̄ын* [Букварь 1873: 4 и далее] ~ литер. *ен*, мар. Г литер. *ø*, диал. Кр Б М МК *d'è-η*, ЦЮ *d'ä-η*, ВК В *d'ä-η*, ЙТ Т *d'è-η*, но ЦЯ *ǰä-η*, УС *ǰi-η*, Б УП УСя ЯО *ǰè-η*, ГЕ *ǰä-η̄^с*, ГА *ǰä-η̄г* [Веке IV₂: 393] < чув. *сын* ‘человек, люди, народ, общество’ (< ПТю *ǰalanuk) [ЭСЧЯ, 2: 153; EDAL];

— *дэнгай* ‘невестка’ [УСОЧ 1870: 4], но *енгай* [Букварь 1873: 4] ~ литер. *енгай*, мар. Г *енгä*, диал. Кр МК *d'engä*, М *d'engä*, ЙТ *d'jeŋGä*, Т *d'je-ŋgä*, но Б *jenğa*, УП *jingä*, ЦЯ *ǰəŋga*, УСя УС *ingä*, ЯО Г *je-ŋgä* [Веке IV₂: 395] < тюрк. (ср. чув. *инке* [ЭСЧЯ, 1: 168]);

— *дишам* ‘семья-АСС’ [УСОЧ 1870: 8; Букварь 1873: 9], *дишке* ‘семья-СОМ’ [Букварь 1873: 19] ~ литер. *еш*, мар. Г *й̄иш*, диал. Кр М МК *d'e-š*, ЙТ *d'ǰä-š*, ЦЮ *d'ä-š*, ВК В *d'ǰi-š*, Т *d'ǰä-š*, ГА *d'ǰi-š* < ? (ср. чув. *й̄иш* ‘количество; группа; семья’, удм. *эшто, эшко* ‘коллективно, семейно’);

— *дидэ* ‘каждый (послелог)’ [Букварь 1873: 21, 27, 33], *дидэат* ‘и каждый’ [Букварь 1873: 21], *дидэак* ‘каждый-DEM’ [Букварь 1873: 36] ~ литер. *еда*, мар. Г *й̄ыде*, диал. Кр *d'äde*, ЙЧ ЙТ *d'ǰä-de*, ГШ *dǰä-de*, БЯп *d'äda*, ЦЮ *d'äda*, В ВК *d'ǰeda* [Веке IV₂: 405].

в) 3 лица множественного числа первое прошедшее время: **-эве** (1870), мар. Г, СЗ, луг. западная группа йошкар-олинских говоров [Bereczki 1994: 23] ~ в этом значении используется форма второго прошедшего времени **-ышит** (1873), литер. мар., луг. большинство говоров, вост.;

г) отрицательные формы настоящего-будущего времени: **ок + основа глагола + -ен** (1870), мар. Г, СЗ ~ **огыт + основа глагола (+ (для глаголов II спряжения) конечный гласный о, ö или е** (1873), литер. мар., вост. (сведения по рефлексации этой формы в луговых говорах в доступной нам литературе не найдена).

Еще важно отметить, что в текстах обоих букварей нет наиболее диагностической черты, указывающей на СЗ и Мар.Г.: *ц-* на месте литер. *ч-*:

— *черлә* [Букварь 1870: 7; Букварь 1873: 8] ‘больной’ (~ литер. *черле*, мар. Г *ц̄ерл̄өй̄*, В, Ц, М, Кр, Б *t̄š̄erle*, В, В(м), У, Кр, Б *t̄š̄erlane-m* ‘болею’, Т, мар. Г *tserlä-nem* [Веке IV₉: 3052]) < тюрк. (ср. чув. *чирл̄ө*) [ЭСЧЯ, 2: 420];

— *чила* [Букварь 1870: 7] / *чыла* [Букварь 1873: 8] ‘все’ (~ литер. *чыла*, мар. Г *ц̄ил̄ä*, диал. У, М(к) *čila*) < ПМар *čila [Bereczki 1992: 7], *čilz [Bereczki 2013: 5];

Представим итоги рассмотрения диалектных особенностей букварей в виде таблицы (данные о рассматриваемых признаках в современных диалектах приводятся по [Bereczki 1994]):

	Букварь (1870)	Букварь (1873)	луговые диалекты				восточные большинство	северо-западные большинство	мар. Г
			литер.	луговые большинство	моркинский	йошкар-олинский ³			
-θ < ПМар. *j-	+	+	—	+	+	+	+	—	+
ч- < ПМар. *č	+	+	+	+	+	— // + ⁴	+	—	—
-нз- < ПМар. *ńǰ	+	—	—	—	—	+	—	+	+
ð'- < тюрк. j-	+	+ // —	—	+ // —	+ // —	+	+ // —	—	—
3 лица мн. ч. прош. вр. -эве	+	—	—	—	—	+	—	+	+
отриц. формы наст. вр.: ок + основа глагола	+	—	—	?	?	?	—	+	+

Итак, можно видеть, что рассмотренные особенности Букваря (1870) полностью совпадают с диалектными чертами йошкар-олинского диалекта лугового наречия марийского языка, по классификации [Bereczki 1994], носители которого проживали на широкой территории от Яранска до Уржума. В рамках дальнейшей полевой работы планируется выявить все говоры, которые удовлетворяют этим условиям.

На основании рассмотренных признаков диалектная основа Букваря (1873) совпадает с большинством других луговых диалектов. Однако, обращение к особенностям написания отдельных слов, отмеченных в статье М. А. Ключевой, позволяет уточнить и диалект, который лег в основу этого Букваря. А именно, *меллам* 'блин(ы)-АСС' [Букварь 1873: 24], *НО мемнам* (видимо, опечатка вместо *мелнам*) [Букварь 1873: 4], которое и М. А. Ключева считает единственным четким указанием на наличие малмыжского пласта лексики в Букваря (1873): «*мелла* в букваре 1873 г., которое не фиксируется в луговом наречии, а лишь в малмыжском диалекте и далее на восток в говорах восточного наречия (включая вариант *мелла́*)». Но данные недавно опубликованного в Хельсинки словаря [Moisio, Saarinen 2008: 177] как раз указывают, что **единственный говор, в котором бытовало одновременно два варианта произношения *mella, melna* — это моркинский диалект лугового наречия марийского языка.** Это же касается и другого диагностического слова, приведенного М. А. Ключевой «*онса* 'дверь' (~ литер. *омса*), фиксирующееся лишь в сернурском диалекте лугового наречия (и далее на восток — в уржумском, малмыжском и других говорах восточного наречия — *онс'а*)». По данным словаря [Moisio, Saarinen 2008: 455] в моркинском диалекте было представлено одновременно две формы *omsa', opsa'*.

Таким образом, на основании рассмотренного материала, можно предположить, что Букварь (1873) был написан на моркинском диалекте. Это полностью согласуется с данными приведенными в статье [Ключева, Норманская 2015] о назначении Г. Я. Яковлева, предположительного автора Букваря (1873), в 1871 году в деревню Унжа Шиньшинского прихода Царевококшайского уезда, которая находилась на территории распространения моркинского диалекта, и подтверждает вывод М. А. Ключевой о том, что в Букварь (1873) был написан на шиньшинско-шоруньжинском говоре.

В заключении хочется подчеркнуть, что нами не было выявлено указаний на «компилятивный» характер букварей. Наоборот, в них очень точно, сравнимо с наиболее современным словарем, подготовленным финскими учеными [Moisio, Saarinen 2008], зафиксирована устная речь носителей йошкар-олинского диалекта в Букваре (1870) и шиньшинско-шоруньжинском говора моркинского диалекта в Букваре (1873) диалектов. Автором второй редакции Букваря (1873) бесспорно можно считать Г. Я. Яковлева. А имя составителя первого лугового Букваря (1870) нуждается в дальнейшем выяснении, поскольку это вряд ли мог быть Г. Я. Яковлев, проживавший в 1869—1870 гг. в Козьмодьянском уезде, на территории распространения горного диалекта марийского языка.

³ В этой заметке мы вслед за [Bereczki 1994] обозначаем так группу говоров, распространенных от Яранска до Уржума. Согласно [Куклин 2016], эти говоры относятся к луговым, но он выделяет их в разные группы. Поскольку мы не нашли детальных описаний этих говоров и оснований их разделять на группы, то придерживаемся классификации, предложенной Г. Берецки.

⁴ В современном йошкар-олинском говоре по классификации [Куклин 2016] ПМар. *č > c, но, как указывается в работе [Bereczki 1994:23], в других говорах этой группы, расположенных от Яранска до Уржума, представлен рефлекс ПМар. *č > ċ.

Литература⁵

Бакула 2016 — Бакула В. Б. Вокализма первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) // Урало-алтайские исследования, 2016, 3. С. 13—33. {*Bakula V. B. Vocalism of the first syllable in the Kildin dialect of the Sami language based on data from Matthew's Gospel (1878) // Ural-Altaic Studies. 2016. Vol. 3. P. 13—33.*}

Безенова 2016a — Безенова М. П. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования, 2016, 1. С. 7—40. {*Bezenova M. P. The "Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language" (1891): graphical and vocalic specifics // Ural-Altaic Studies, 2016. Vol. 1 (20). P. 7—40.*}

Безенова 2016b — Безенова М. П. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования, 2016, 3. С. 46—63. {*Bezenova M. P. The "Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language" (1891): consonantism specifics // Ural-Altaic Studies, 2016. Vol. 3 (22). P. 46—63.*}

Дыбо, Норманская 2016 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования, 2016, 4. С. 138—153. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. First Cyrillic books in Kazakh as sources for dialect and literary norm studies // Ural-Altaic Studies, 2016. Vol. 4. P. 138—153.*}

Куклин 2016 — Куклин А. Н. Разновидности ассимиляций гласных и согласных в звуковом потоке речи луговых и уральских мари // Вестник марийского государственного университета, 2016, 1 (10). С. 105—112. {*Kuklin A. N. Varieties of vowel and consonant assimilation in sound stream of the Meadow and Ural Mari speech // Mari State University Bulletin, 2016. Vol. 1 (10). P. 105—112.*}

Норманская 2015 — Норманская Ю. В. Ударение в первых книгах на селькупском языке, созданных Н.П.Григоровским в XIX веке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2015, 4. С. 9—17. {*Normanskaya Yu. V. Stress in the first Selkup-language books, created by N. O. Grigorovskiy in the 19th century // Tomsk journal of linguistic and anthropological studies, 2015. Vol. 4. P. 9—17.*}

Норманская, Каримова, Эмба 2017 — Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н. В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования, 2017, 2. С. 46—53. {*Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N. Is V. V. Katarinski the author of the first Bashkir-language book? // Ural-Altaic Studies, 2017. Vol. 2. P. 46—53.*}

Норманская, Кошелюк 2017 — Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Архивный пельмско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Слобцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования, 2017, 3. С. 151—161. {*Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A. Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slovtsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi. // Ural-Altaic Studies, 2017. Vol. 3. P. 151—161.*}

Нуриева 2015 — Нуриева Ф. Ш. Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования, 2015, 2. С. 67—74. {*Nurieva F. Sh. Dialectal basis of the books in "Kresheno-Tatar" language of the second half of the 19th century // Ural-Altaic studies. 2015. Vol. 2 (17). P. 67—74.*}

Нуриева 2017 — Нуриева Ф. Ш. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования, 2017, 3. С. 161—174. {*Nurieva F. Sh. A linguistic monument of the Sergach Mishars' dialect: a confession text from the 19th century // Ural-Altaic Studies, 2017. Vol. 3. P. 161—174.*}

Савельев 2016 — Савельев А. В. Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования, 2016, 1. С. 68—105. {*Savelyev A. V. Chuvash translation of a mid-19th century sermon. Ural-Altaic Studies, 2016. Vol. 1. P. 68—105.*}

Bereczki 1994 — Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Szeged, 1994. (= Studia Uralo-Altaica, 35.)

Moisio, Saarinen 2008 — Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXII. Helsinki, 2008, XIX.

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru

⁵ Основные источники и сокращения перечислены в Списке литературы и Списке сокращений к статье М. А. Ключевой, здесь приведены только дополнительные названия.